

Роман Валерия Радомского

18+

Я - душа СТАНИСЛАФ!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Валерий Радомский

Я – душа Станислаф!

Книга четвёртая

«Издательские решения»

Радомский В.

Я – душа Станислаф! Книга четвёртая / В. Радомский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532832-8

Как жить в этом мире, чтобы не страдать? Чтобы в окна наших домов не заглядывала смерть? А в двери не стучалось горе. Эти вопросы ставит автор романа и даёт на них сам ответ: жизнь — это круговорот горя, боли и зла.

ISBN 978-5-00-532832-8

© Радомский В.
© Издательские решения

Я – душа Станислаф! Книга четвёртая

Валерий Радомский

© Валерий Радомский, 2021

ISBN 978-5-0053-2832-8 (т. 4)

ISBN 978-5-4496-1634-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. ...Передумать, если уж враг!

В земном промежутке времени и пространства, где Душа Станислаф пребывал с ранней весны, а в Кедрях, где багряный октябрь, отбарабанив повсюду обложными дождями, как бы зазвал этим на место себя ноябрь с первыми заморозками, Душа мог быть везде, но не мог оказаться в нескольких местах одновременно. Поэтому всю неделю бродил сибирским посёлком и слушал кедрачей. Заходил в их дома, и даже рабочие кабинеты, без приглашения – не мог он ни постучать в дверь, ни испросить согласия на это: душа ведь. Знал поэтому, что Тимофей Пескарь с артельщиками задумали взорвать утёс скорби и печали; в это же время Кирилл Воронин и Платон Сутяга с тремя вдовами утопших рыбаков расправятся на воде с Иглой, и прошлой ночью уже пленили Йонаса с Эгле. Все прочие добровольцы, не меньше ста человек, вооружённые ружьями и карабинами, ждали лишь сигнала от Тимофея, чтобы после подрыва утёса и кончины рыбы-меч, переплыть озеро на катерах и лодках и войти в тайгу, вернув себе таким образом право на прежнее беспрепятственное хозяйничанье в ней.

С середины лета такого права и блага их лишил Шаман, только таёжный волк – всего-то зверь, которому и так несказанно повезло, что жив до сих пор. Это снисходительное утверждение звучало часто из озлобленных уст. Правда – за закрытыми дверьми и ставнями окон: боялись ушей рыси Лики, никем не видимой и не замеченной ни разу, да способной пролезать (и об этом на полном серьёзе говорили тоже) даже в замочную скважину, чтобы подслушать кедрачей и на лёгких гибких ногах принести своему «командиру» последние разведданные.

В кабинетах начальника полиции капитана Волошина и председателя поселкового совета Барчука предстоящая война с Шаманом и его кодлой оговаривалась всю неделю как глупая затея, авантюра чистой воды, вместе с тем ни один, ни другой повлиять на сложившуюся ситуацию уже не могли – посёлком фактически правил Шаман. Хотя бы потому это так, что с лета установив свои порядки на озере и в тайге, быстро и неукоснительно жёстко, волк к осени уже контролировал всё и всех, в том числе и Волошина с Барчуком.

Капитана не первый день к тому же терзал нудными дознаниями следователь краевой прокуратуры Дрозд, прибывший в Кедры в связи со смертью Игорёши Костромина. Но его интересовал и пожар в доме Каваляускасов, а также – сами ли утонули три рыбака в Подкове? «Следак» в самом деле оказался, в большей мере, молчуном, возможно и потому, что ему нужны были исключительно ответы на вопросы, а их вместо него задали, ещё до его приезда, кряду шесть смертей. Волошин пояснил их по-своему, да Дрозд подловил бывшего «опера» в самый первый день на уклончивых ответах, и что ни следующий день – снова к нему: в личный кабинет капитана, ставший для следователя гостиничным номером, и съезжать к кому-либо на постой тот ни в какую не соглашался. Угрюмо мычал в ответ на такое предложение, но очень выразительно и категорично: нет! Этим, что фактически отнял у начальника полиции его же служебный кабинет, заодно удерживал Волошина при себе – капитан знал гораздо больше, чем рассказал, и в чём-то он рано или поздно «проколется».

Барчука на допрос ещё не вызывали, да он и не думал о следователе – не его это тема: раскрывать убийства. Не доводить до смерти своей работой – это иное. Отсюда голова Владлена Валентиновича была забита все эти беспокойные дни конца октября тем, что он наблюдал ежедневно на пути в поссовет и из окна своего председательского кабинета до наступления темноты: посёлком сновали вооружённые кедрачи, часто пьяные, вызвавшие похвастаться за свои собственные интересы с нечистой силой. С ним они вовсе перестали общаться – не доверяли, и слушать отказывались, если тот к ним сам заговаривал. Слов для него не подбирали – в спину... Карабины и дробовики – вот они и исполняют всё то моральное, материальное и финансовое, чего не дождался от Барчука и своих депутатов за всё лето и два месяца осени, как сами полагали и о чём бахвалились между собой, уверовав в скорую победу.

Тайга на противоположном от Кедр берегу Подковы зудела пчелиным роем от рассвета до заката, не затихая даже ночью – зверья разного, но не хищного, и птиц набилось во владения Шамана так много, что этим кесарь сам себя загнал в угол. И это – в лучшем случае. Хищники буквально обложили территорию Шамана со всех сторон, как тут ещё – взбунтовались кедрачи! А пойдут в наступление они – попрёт кровожадный зверь, и тогда – на разрыв: владения у кесаря огромные, а проверенных «бойцов» – Марта, Лика, два серых волка на волков. И на озере – всего двое: Игла и Матвей Сидоркин. Да и не факт, что Матвей решится на то, чтобы стрелять по своим, если до этого дойдёт. Это кедрачи его не пожалеют. Те же Кирилл Воронин с Платоном Сутягой выстрелят в него при первом удобном случае, чтобы избавиться от свидетеля их позора и соучастия в убийстве по неосторожности: три рыбака артели и утопли поэтому из-за них, только об этом пока что знал один лишь Матвей.

Всё, о чём услышал Душа Станислаф, было известно и Шаману с Мартой. Тем не менее, директива Души – «Передумать, если уж враг!» – сохранялась на все случаи неминуемого противостояния и являлась неукоснительной для исполнения всеми, кто признавал в Шамане своего кесаря. Его Армия удерживала тайгу на десятки километров вглубь и вширь, контролировала озеро и небо, а чего не знали кедрачи, так это – оставшиеся в посёлке дворовые собаки, удерживаемые на цепях, регулярно тявкали кесарю про своих хозяев. Они не предавали этим, нет: собачья будка, какой бы она ни была распрекрасной, при этом мало чем отличалась от тюремной камеры – всё земное, живое и не живое, рождается и возникает свободным и лишь человек отковал для свободы металлические цепи и отлил свинцовые пули.

Независимость, к которой человек так стремится во всём, лишь питает тело, чтобы оно не усохло прежде, чем это же самое сделает смерть, вот только, чтобы прожить земную жизнь, нужно суметь выжить душой. Опять же, как принято считать у людей – спасти свою душу.

Душа не имеет возраста, но в юном и молодом, обычно, теле её искушают желания взрослого мужчины или женщины, а подсказки интуиции ещё не понимаются в той мере, в которой только и спасают тело от разрушения по причине чего-то несвоевременного и весьма не желательного. Этому, слышать в себе себя, учатся, а учитель один – интуиция. У неё нет запаха, нет здорового цвета кожи и стальных мускулов, её можно лишь, распознав в чувствах, прочувствовать. Это весьма сложный механизм личностного восприятия земного в жизни, но Душа Станислаф откуда-то об этом знал и передумать смерть в любом её проявлении – входило в его обязанности, которых он на себя и не брал.

Он был всецело подчинён этому: передумать зло тайги и зло в кедрачах, разгрызавшее само себя от безысходности сотворения мира, в котором принято считать, что выживает сильнейший. А под силой человек понимает и принимает в качестве агрессии нападения и защиты много чего ещё. Только выживает не всегда сильный, а преимущественно хитрый и коварный: человек, зверь, птица..., и зло по-прежнему остаётся в повелительном наклонении к смерти. Она, она правит на балу жизни, и сама жизнь, увы, отстреливает не слабых, а не сумевших стать коварными. Не сумевших выплыть на берег своей мечты о себе самом: не сильном, а предусмотрительным во всём, что убивает. Ведь спешить жить не в своём времени, от возраста,

и не в своём пространстве, а оно закреплено за каждым осторожностью и страхом перед неизведанным, не это ли разгоняет смятение души, будто ветер грозные облака и оттого она вовремя не предостерегает? ... Не смей этого делать! ... Перетерпи! ... Перебори! И не в жизненной ли энергии, в её разнообразии, прячется смерть? Ведь получить для себя любой её источник – отобрать у кого-то/чего-то то же самое! Оттого, наверное, смерть можно прочувствовать, а иногда даже увидеть, да она – во всём и повсюду. А зло – это любимчик жизненной энергии, и им кровоточит не только человечья жизнь.

Зло возможно унять, единственно, когда станет невыносимо больно самому от задуманного для другого живого, или уже случившегося с тобой лично. Душа Станислаф такую боль проживал, хотя причину её разгадать не мог, как не старался, равно как и не спешил жить решениями, которыми были обставлены судьбы кедрочей, как их дома домашней утварью. Сам же он проявлялся и был виден лишь теми, кто своими поступками и действиями торопили жизнь рассчитаться с ними по их желанию и требованию. Именно это условие гордыни и слабости – у кого что – в кедрочах будто бранило, и давно уже, самого Душу, причём досада чувствовалась собственной и глодала виновностью перед кем-то ещё. А с середины лета эта глухая досада отказывалась быть в нём ещё и немой и корила, корила, корила таким знакомым ему голосом, словно рядом где-то, совсем рядом, находился тот, перед кем он и должен был повиниться. Вот только – знать бы перед кем и за что конкретно, когда повсюду зло безобразило лица и морды теми же гордыней и слабостью. ... Перед кедрочами? ... Им самим было в пору хорошенько отстегать себя за неугомонность алчности и посредственность ума. А других-то Душа Станислаф не знал и не наблюдал. Разве что – слабостную Зою, с лучистыми глазами женщину-мечту председателя Барчука и капитана Волошина, да Оксану Пескарёв, душа которой с недавних пор забила под валун на берегу Подковы, откуда выползла смерть Игорёши Костромина...

Зло было и в Душе, только уже не земное; оно нуждалось в согласовании с истиной Вечности: «Нет земного зла – есть умысел!». Он-то, умысел, и накажет кедрочей в очередной раз – Шаман подбежал к игривому ручью, но лакать воду сразу не стал. По обе стороны от него звери и птицы утоляли жажду без суеты и коварства. С недавнего времени они не убегали и не улетали далеко от ручья...

Кесарь никого не обязывал отказаться от привычной пищи, а сам, получая жизненную энергию от воды, тайги и солнца, не убивал из-за физиологических потребностей. Воды ему было достаточно, чтобы проживать волчью судьбу. По человечьи – реформаторскую. В свою очередь отказ от охоты приблизил к нему фауну тайги так близко, что всем стало тесно рядом с ним. Но – спокойно и комфортно. Даже кедр и ели прогнулись к земле, как бы выказывая этим своё вечно зелёное почтение и признательность, за то, что от них наконец-то убрались вседозволенность и безнаказанность – оставаться хищником при Шамане не имело больше жизнеутверждающего смысла. Даже пни, рассыпавшись в древесную пыль, исчезли с волчьей тропы, чтобы не усложнять ему путь в его сокрушающих земное мракобесие намерениях. А всегда приветливый и разговорчивый ручей и жемчужная вода в нём многокилометровой извилистой чертой прочертили под прошлым тайги непозволительный ни для кого Рубикон.

Взгляд чернящего молодого волка не мог посчитать, скольких он взял под свою опеку, и уж тем более – осмыслить меру ответственности за каждого длинномордой головой с серебристыми «бакенбардами», но его человечьи глаза в постоянной печали видели Армию тайги. ... Под самое небо и частокол горячо и свободно дышащих упругих подрагивающих тел – повсюду от него и под его сильными и широкими лапами тоже! Его басистый рык никому не грозил смертью, но грозил ей самой – убираться вон из тайги!

В сотне метров от причала сырой плотный туман спрятал баркас. Стальной округлый нос уткнулся в даль, к противоположному берегу безмятежной Подковы. С кормы на воду

тарасились Кирилл Воронин и Платон Сутяга – Игла в который уже раз, поднырнув с глубины, толкала собою днище. Баркас кренился то правым бортом, то левым, но стрелять в рыбу-меч было бесполезно из-за округлости обводов: пока ими прикрыта – не попасть.

От содроганий баркаса проснулись вдовы и они в спешке и оторопи, накинув на себя грубые тёплые куртки, одна за другой покинули каюту. Напряжённые с заострёнными носами лица Воронина и Сутяги рассказали им о том, чего все пятеро ждали не первый день: Игла под ними.

– Звоните Пескарю и обзванивайте мужиков, чтобы прибыли, срочно, – скомандовал им Тимофей. ...Прибалтов под замок!

Женщины вернулись в каюту. Слышно было как одна из них сурово и предостерегающе обратилась к Йонасу: «Даже не думай, красавец, ...покинуть баркас! Оба сидите здесь, в каюте. Смотри: и твою мамзель не пожалеем, как ваша остроносая тварь не пожалела наших мужей!». Женщина не договорила, а Йонас и Эгле только сейчас поняли, кто их пленил: вдовы рыбаков, найденных в разгар лета мертвыми в рыбацких сетях. Две другие вдовы, одеваясь и удерживая мобильники в положении поднятого плеча и опущенной к нему головы, вызванивали тем временем подмогу.

...Тимофей Пескарь уже не спал, хотя тусклый утренний свет только-только сползал с елей и лиственниц на крыши домов, ещё мрачно и лениво. Узнав о том, что Игла пробует на прочность баркас недалеко от причала, скупой порадовался: теперь дурная рыбина – хотя и не такая уж она и дурная, если прознала как-то, что литовцы на борту! – не отвяжется и рано или поздно чья-то пуля её достанет. Надежда на это взбодрила и подняла на ноги. Сразу же стал звонить мужикам-артельщикам, чтобы через полчаса все собрались на подходе к утёсу со стороны посёлка: пора начинать!..

Те, кого Шаман наказал за непослушание в течение лета – за стрельбу по зверью и птицам, а также за срубленные ели и сосны, прокусив им ладони правой руки, – пришли к утёсу первыми и даже не запыхались. Водитель длинномера, кудрявый Игнат, решительно блестел хитрыми глазами и обстукивал плечи – просыпайтесь! – заспанным Гутнику и Бочарову. Такие же, как и они, лесорубы Платон Свиридов и хромым Кирилл Зыбин, и годами где-то такие же, 40 – 45 лет, с татаринцем Ракипом Жаббаровым раскладывали по вещмешкам динамитные шашки ярко-красного цвета. Согнувшись над ними, Тимофей Пескарь и контролировал небезопасный процесс, и одновременно давал указания, сколько шашек и куда именно их закладывать. Уловив волнение в руках татарина, занялся этим сам. Ракип, явно нервничавший, был этому только рад – удерживая перед собой бухту с бикфордовым шнуром стал просчитывать в уме, с какого расстояния лучше всего по нему подать искру, чтобы при взрыве не пострадать самому, и сколько соединителей нужно, чтобы под закладки смастерить единую бикфордову цепь?

Вскоре подошли и остальные артельщики, ещё четверо. К этому времени взрывчатку разложили в три вещмешка, и татарин Жаббаров объяснил Пескарю как он намерен осуществить подрыв. Но главное, что хотелось услышать всем – чтобы бабахнуло и так, чтобы от Шамана даже клока шерсти не осталось! Где именно лаз в волчье логово, этого никто не знал, только лаз под скалу был, наверняка – как же ему не быть, если волк здесь появляется и исчезает здесь же.

Небо чуточку просветлело, но для скрытности подхода к утёсу – самое то, что и надо: полутьма. Решено было подходить с трёх сторон, в каждой группе – по три «карабинера» и они идут к скале первыми; стреляют на поражение лишь в самого Шамана, если вдруг появится, или в Марту; после закладки динамитных шашек в трёх местах, Ракип замыкает бикфордову цепь – все отходят к дороге, не теряя ни внимания, ни бдительности.

Чтобы легче и как можно тише можно было подобраться к утёсу, Тимофей предложил снять грубые брезентовые плащи, кто в них оделся, и тяжёлые кожаные куртки. Так, обнажив-

шись до рубах и свитеров, артельщики рассыпались вдоль подступа к скале, паря напряжёнными спинами.

Продвигались относительно тихо – тонкие гибкие ветви кривых берёз лишь слабо посвистывали, пружиня от какого-нибудь. Густой и прочный мох удерживал мелкие камни, опавшая листва была влажной от утренней мороси, на ней скользили, но этим шум не создавали.

К основанию утёса оставалось совсем немного – пять или семь метров, как вдруг ветер подул со всех сторон да так, что придавил дыхание. Видевшие друг друга мужики переглянулись, словно спрашивая – ты тоже это чувствуешь... , огляделись по сторонам в тревоге и, как это всегда бывает, когда непонятное и не видимое жуткое что-то подступает буквально ниоткуда и насаждает плохими предчувствиями, задрали головы кверху. А там – неба нет: есть, но за плотно-плотной живой пеленой из крыльев и птичьих голов с клювами. Да так близко к ним это всё, что все онемели.

Артельщики, подчинившись увиденному, безвольно отдались небу – его завораживающему и пугающему лику. Оттуда на них посыпались сухие сосновые иглы. Сразу-то и не разобрались, что эти иглы – из клювов птиц, да с каплями, будто бы дождя. А иглы сыпались и сыпались на их головы, налипая на лица, на руки. Ветер и вовсе швырялся ими метко и больно, и ужас положения закрыл всем глаза, оттого и карабины в руках стали лишними – мешали отмахиваться и отбиваться от небесной напасти в пленившей мгле. Несколько ружей загремели, ударяясь о камни и катясь книзу. Тимофей Пескарёв наконец первым блаженно заорал, чтобы уходили от утёса, к дороге на посёлок, но сделать это было теперь совсем непросто: открыть глаза – лишиться зрения. Это понимали все, оно же торопило и бросало вниз, на большие острые камни и грубые корневища. Влажная скользкая листва в этот раз подловила движения наугад и мужики одним за другим полетели кубарем. Россыпь тонких упругих берёз по склону сдерживала их падения, только, выпрямляясь, жёсткие ветви хлестали всех подряд на все стороны. Под задравшиеся одежды налетевший ранее внезапно и рьяно коварный ветер пучками забрасывал сухие иглы и они секли и прокалывали тела до пронзительного стоны и вопля отчаяния. Лишь Гутнику и Бочарову удалось устоять на ногах – не смея открыть глаз и опустив головы к груди настолько, насколько им это удалось, они, ухватившись за молоденькую лиственницу и прикрывая друг друга от жалящих порывов ветра, уже ничего не соображали: где утёс и в каком направлении от них дорога. Бухта с бикфордовым шнуром пролетела рядом, но на спине посунувшийся следом за ней Ракип Жаббаров налетел на них и потянул за собой обоих, матерясь во всё горло. Всех троих догнал вещмешок со взрывчаткой и ...завис на размахивавшейся желтоватыми ветвями лиственнице.

Последним к дороге в посёлок, выбрался Кирилл Зыбин, хромя сильнее обычного. Он ещё долгое время не решался открыть глаза и стряхивать с себя сосновые иголки – у всех артельщиков были до крови посечены лица и руки. Особенно – пальцы от ладоней. Ветер к очумелым от пережитого только что мужикам уже не долетал. Почему, – об этом, если кто и задумывался, то в судорожной от волнения и ужаса оторопи.

Над утёсом скорби и печали зависли птицы, сплошные живые тучи, издали неподвижные, но выжидавшие, когда любое движение артельщиков в направлении откуда они скатились, выползли, и на четвереньках тоже, будет пресечено тем же самым: хлётским и нестерпимо жалящим ветром.

– Вот скажи после этого, что глупые птицы?! – стонал, жаловался и сокрушался Тимофей Пескарёв.

Облепленный с головы до ног сосновыми иглами он был похож на карнавального ежа. В такие же «костюмы» небо одело и всех остальных, не пожалев ни бледности, ни сочившихся кровью полос на лицах.

Понемногу приходившие в себя артельщики не знали что ответить Тимофею и, вообще, всем хотелось побыстрее убраться от утёса. И чем дальше, тем лучше! Задуманное ими напрочь

забылось, сбежав в панике от каждого подавленным и унижительным страхом. Оставленные вначале, у дороги, дождевики и куртки подобрали уже на ходу, и так, ковыляя чуть ли не в ногу, поволокли их за собой. С Тимофеем остались лишь потерявшие свои карабины, и как их теперь себе вернуть – не знали, а ещё больше боялись об этом заговаривать вслух. Три пары вопрошающих глаз уставились на того, кто их сюда привёл – успокоились тем, что за оружием вернуться, но не сейчас.

Пескарю позвонили. Он ответил, недовольный, неуклюже удерживая мобильник возле уха и болезненно кривясь, что подорвать утёс не удалось. Услышав ещё и звуки беспорядочной пальбы, спросил в свою очередь у позвонившего, а что у них там происходит? Платон Сутяга ответил жалующимся криком, что их заваливают корягами. Но перекричать стрельбу на причале не смог – Пескарь, бурча себе под нос «Какие ещё, ...твою мать, коряги!», тут же двинул в посёлок.

...Причал был усыпан кедрочами. Сюда они сбежались на канонаду дробовиков и карабинов, и теперь толпились за спинами добровольцев из ополчения Тимофея Пескаря. Это они стреляли, и много раз, до этого – утро горчило отстрелянным порохом. По ком стреляли – не понятно. Если только по корягам, которые пригнало непонятно что с противоположного берега озера, а ветра, никакого, нет!?! Над этим шумно рассуждали прибежавшие на выстрелы мужики и бабы: откуда столько коряг – в жизни столько не видели! А коряг да корневищ прибило к причалу, точно лесосплав. И длиной – во всю протяженность причала, и в ширину – до стального баркаса, а это метров на пятьдесят. Вот что всем было ясно и понятно, так это – сделано с умыслом: теперь катера и рыбацкие лодки заблокированы. Что ещё хуже – баркасу отрезали путь к причалу, и, наблюдая за тем, как из тумана, от тайги, на баркас наплывали и наплывали другие коряги и корневища, кедрочки мало-помалу прозревали. На ум всем приходило одно и то же: «Ну, Шаман! Ну, стратег!». Это сразу же понял и признал появившийся на причале Тимофей Пескарь.

Мало кто сразу обратил внимание на его до крови посечённое и припухшее лицо, да рассмотрели всё же, кто оказался к нему поближе, и взгляды кедрочей ещё больше и жарче опалили ему щёки. На немые вопросы ему пришлось буквально наткаться, пробираясь через толпу. И отвечать надо было – положение Воронина и Сутяги с тремя вдовами обязывало.

– Хитёр сучий пёс: корягами прикрыл рыбину, а баркас возьмёт на абордаж! – предугадывал ход дальнейших событий Тимофей громко, чтобы не объяснять каждому.

Даже пошутил:

– Так он ещё и пират, оказывается, этот Шаман!

Тем временем корягами и корневищами баркас обложило со всех сторон. Стальная машина ещё могла продавить своим огромным весом и мощностью дизеля эту образовавшуюся преграду и уплыть, но ...причалить в безопасном месте, и поблизости, не могла. Потому и молчал дизель. Воронин и Сутяга попеременно лишь истошно хрипели, а что хотели – ведомо что: «SOS!».

Туман тем временем всё выше и выше поднимался над водой. Вода будто бы кипела, пузырясь, только стоявшим на причале кедрочам это бурлящее кипение не казалось чудесами Подковы: косяки рыб пригнали сюда всякий лес-плавунец и продолжали это делать. ... «Во дела!» – ахами разносилось повсюду.

От причала можно было уже пройти к баркасу, если ступать на коряги с умом и никуда не торопясь, да таких рискованных на берегу не оказалось. Все чего-то ждали в неясном, но страстном томлении, шаря глазами на палубе баркаса, а подслеповатые допытывались, нервничая: «Ну, что там, что?!».

Щурился в сторону баркаса и беспокойно глотал дым сигареты Тимофей Пескарь. Никого не слышал у себя за спиной, хотя в плечи толкали раз за разом – что-то ведь надо делать! Успо-

каивало лишь то, что ни вдовы, ни Воронин с Сутягой не пострададут: от утёса артельщиков отогнали птицы, наказав всех до единого необычным способом, а значит, у Шамана задача – не убить, и сегодня никто не умрёт. В эти минуты горестного созерцания полного провала того, к чему долго и усердно готовились, Тимофей вспомнил о Матвее Сидоркине, и острое недоброе предчувствие его не подвело – жёлтый каютный «Амур», старичком-водоёмом бухыкая, выплыл из просветлевшего далека озера.

Причал затих и присмирел – катер двигался в направлении баркаса, но широченная полоса леса-плавунца была и на его пути. Не успели кедрачи задаться вопросом, как же Зырик подрулит к стальной махине, как перед самым носом «Амура» коряги и корневища стали расплываться по сторонам, и так – под самый борт баркаса. Матвей заглушил водоём и стало по-загробному тихо.

На нос катера, с кормы, запрыгнул сначала Шаман, а за ним влетела туда и Марта. Матвей расположился за волками и несколько раз беззвучно открыл рот – готовил себя к длинной и громкой речи. Шаман уселся на задние лапы, знакомо опустив голову и глядя исподлобья. Причал заскрипел половицами – каменного взгляда кесаря тайги кедрачи не просто боялись, а при удобном случае давали задний ход, что теперь и сделали многие: отступили вглубь и берега, и причала. Марта осталась стоять на высоких ногах и продолжала скалиться на Кирилла с Платоном, буквально закаменевших на палубе баркаса. Матвей, ухмыляясь, покачивал головой, словно журил их за совершенную глупость и не безобидную шалость. Прокашлявшись, знакомо засипел:

– Эй, придурки на баркасе, и на берегу – вас тоже касается! То, что вы, пардоньте, рамсы попутали – тут и к бабке не ходи. Потому никакого базара с вами и в это раз не будет – Йонаса с Эгле отдайте и проваливайте. ...Хорош тупить, мужики, и баб своих поберегите: может, ещё родят кого, не такими гипсоголовыми!

Шаман отрывисто тьякнул – Матвей продолжил:

– Минута вам..., чтобы разойтись по-хорошему.

Марта тут же прогнувшись в спине и упруго садясь, расчётливо изготовилась к прыжку. Нос катера вяло чиркал о борт баркаса, и она влетела бы на палубу, особо не напрягаясь. От её оглушающего свирепого рычания и Матвеем даже стало не по себе, а от беспорядочной суеты на причале половицы, вроде, как застонали. В тот же миг с баркаса боязливо запричитали под скрежет открывающихся металлических дверей кубрика: «Сейчас, сейчас – отпускаем, уже выходят...».

От Автора.

Смерть – не лгунья и не обманщица, как земная жизнь. Жизнь обманывает счастьем и лжёт верностью всему тому, что топчется на пороге несчастьем...

Так повелось издавна и прижилось, к несчастью для всех, недопонимание принципиальной важности: не создавать себе кумиров и не придумывать себе врагов. Об этом знаем – нет же: практически повсюду правят цари без царя в голове, а придумав врагов – зазываем их к себе и приводим к своему дому, но с разбитых губ, в результате, отстреливаемся мстительной от непримиримости ненавистью. ... Лютое безрассудство, и оно – в веках и во всём, что нам как дорого, так и необходимо.

Кедрачи, кто брякая с плеча карабином, кто, «перезаряжая» себя презрительным негодованием от свершившегося в их присутствии, будут целиться в лгунью и обманщицу жизнь злыми глазами, разбредаясь посёлком, друг друга подбадривая – это ещё не конец. Их по-прежнему будут объединять традиционно общее: дорогое – земля праотцов, дети и внуки, и необходимое – жить, не крадучись в закрома тайги и озера. Это всё – непреходящие ценности, унаследованные и отшлифован-

ные до непререкаемости в словах и поступках, за них они будут убивать и дальше. Не получилось в этот раз – получится в следующий: смертный приговор Шаману вынесен. Дорогой сердцу и необходимой телу сытой и, оттого, бездумной жизнью кедрачей вынесен!

Душа Станислаф в это же время, задержавшись на холме с обугленной осинной посредине, на противоположном берегу Подковы, будет думать совсем иначе. Он во второй раз передумал зло, а враги – такого слова он не знал. Да и нет врагов, если ты сам – не враг кому-то (себе, например) или чему-то: Душа лишь подчинял в Шамане зверя, таёжного волка, чтобы выжить душой, а не клыками и когтями. Зачем убивать, если можно упредить убийство кого-то и за что-то тем же всевидящим и не слепым от ярости злом. Такое зло не столько видит, сколько предвидит ложь и обман жизни, и в этом – решение. Как взгляд из глубины переживаний, улавливает то, что доступно взору и зрячего, и слепого, и что кедрачи не видели: дальше собственного носа – ничего. Близорукость, да – болезнь, только близорукость зла в человеке – ущербность. А как докричаться об этом, если не стегать нагайкой неизбежности?! Земной Судьбой то есть, и без разницы – верить или не верить, что она есть. И Душа Станислаф такой нагайкой стегал Кедры. Но и праведные наказания забивают до смерти – он будет думать и об этом, печалью глаз уходя-убегая тайгой.

С утра в доме Тимофея Пескаря было шумно и накурено – хозяин вернулся с причала не один, а своим видом – будто не один раз наждаком прошлись по его лицу и рукам, и то же самое – у артельщиков, напугал жену. Нина Сергеевна не сразу-то и заговорила к нему поэтому, ко всему ещё и злые глаза мужа упредили её шаги ему навстречу. Лишь, вжавшись в стену, приняла в охапку куртки и плащи, кто подал их ей, с ними и ушла в свою комнату. Главное – живой Тимофеей, а расспрашивать, кто расцарапал и за что так, и – всех, только сыпать соль на раны. Спросила однако, выждав момент и выманив мужа из зала обеспокоенным и просящим взглядом, не встретил ли он Оксану. Узнав, что дочь вызвали в полицию, к следователю Дрозду, отец в Тимофее застонал бессильной досадой: только бы Оксана сама не призналась...

Натужно говорили об увиденном на причале, а о случившемся под утёсом артельщики как бы подзабыли – не заговаривали, хотя выразительными последствиями, и без слов, были их лица и кисти рук. Пальцы, если кто и сжимал в кулаки, то мало кому удавалось при этом не ронять «ой-ой-ой!» и «ай-ай-ай!» себе же в ноги. Страдальческие гримасы и вовсе чью-либо бесстрастную речь переводили в монолог мученика. А это и тяготило, и раздражало одновременно. Но ни в ком, тем не менее, не было внутреннего полного смирения с тем, что стало явью очевидного: лишь посмешили кедрачей своей храбростью, что прикончат кесаря, да облажались. Причём, не одни они облажались – сотня, больше даже, вооружённых мужиков и баб, всеобщим волнением, топотом с клацаньем затворов расшатали причал до треска, а закончилось всё пшиком той же самой безоглядной храбрости. И понимали это, что допустили в первую очередь коллективное безрассудство, скребло оно, безрассудство, артельщиков за гостевым столом Тимофея Пескаря, но злило больше.

Под утёсом тайга унизила птичьим дерьмом, а на озере посмеялась над всеми сразу. И что буквально бесило – Шаман в этот раз даже клыки свои не обнажил, и этим посрамил в кедрачах гордыню. Об этом ещё на берегу и роптали негодуяще, и шёпот – не шёпот: уныние. Да и отступить – до какой тогда ... ступени в подвалах, если не осталось ступеней: одно дно! Зверюге этому, Шаману, что? Он воду лакает, а вода, как известно, утоляет жажду – к кедрачам же голод подбирался и это перевешивало их страхи. И об опасениях речь уже не шла: артельщиков к утёсу повела нужда в привычной для них пищи и привычных объёмах. Потому-то никто из них и мысли не имел, что новый кесарь тайги лишь поставил их перед выбором: живите и дальше, как жили, вот только выживите ли, если не научены по-настоящему выжи-

вать?! Заодно, Душа не скрывал, что и ему самому нужно выжить при кедрачах – об этом он ранее сообщил активу посёлка у холма, куда их вызвал на разговор, и ту же самую задачу теперь требовалось решить им самим, живя бок-о-бок с кесарем.

– Вы как знаете, мужики, а я со своей семьёй не намерен переезжать куда-либо, – больше грозился, чем признавался, откровенничая, Тимофей Пескарь. – Слышали, ...да сами знаете, конечно, что съехали от нас на прошлой неделе Кривули, Гапон косоротый, и кумовья, ...эти – Зеленчуки и Кудряшovy. А после сегодняшнего сбегут и другие... В Тангар или в Долино, ... может и куда дальше, но я – я с таёжным псом, как его называет наш капитан, ещё пободаюсь. Это мы ещё посмотрим, у кого галифе ширше будут!..

Мужики, что постарше, чахло улыгнулись, вспомнив, где и от кого слышали подобное: «галифе ширше», а кто помоложе – советского кино «Коммунист» не видели, потому их глаза растеряно шаркали по залу вслед за Пескарём.

Тимофей не мог ни стоять на месте, ни сидеть – ходил, беспорядочно, и обманывал артельщиков лишь в том, ради кого он снова готов продолжить смертельную охоту на Шамана. «...Ловкач, трюкач!» – заодно иронизировал он. «Пират!» – вспомнил волку и это, только и того, что не в море-океане, а тайга – его разбойничьи просторы.

– Согласны, – вроде, как за всех ответил Ракип Жаббаров. – Что предлагаешь, Тима?!

Лицом татарин страдал, как, впрочем, у всех иссечённые лица и руки жгли огнём, но его взгляд, тяжёлых тёмных глаз, в этот момент просветлел, будто от чего ещё, вспыхнувшего внутри него.

– А мы тайгу возьмём на абордаж! – гикнул Тимофей, и тут же замер по центру, точно именно в этом месте зала его осенило единственно верным решением. – Зайдём в неё и не выйдем до тех пор, покуда волчара со своей кодлой не уберутся от Кедр и, желательно, подальше.

Какое-то время он так и стоял, в центре внимания единомышленников – продолжить объявленную тайге войну, а те лишь шурились на него, и нервным ожиданием лиц торопили Пескаря объясниться. Этого времени ему хватило, чтобы гораздо бодрее и даже с едкой ухмылкой сообщить о стратегическом плане:

– Вернуть наше... – нужно не одним только нам. Взрослые мужики и бабы поэтому пойдут с нами. Поставим на воду все лодки, какие есть, катера и моторки поволокут их к противоположному берегу. Ружья и капканы спрячем в каютах или припрячем на днищах. На берег высадимся все и, никуда не торопясь как бы, разойдёмся береговой линией. Зайдём в тайгу, чтобы собрать к зиме валежник – «попик» ведь этого делать нам не запрещал, а сами расставим капканы в линию. Но перед этим из валежника набросаем укрытия, из-за которых потом и жажнем дружно по разбойнику, кто первый появится. Или по ним, по волкам, если сбегутся. На данный момент тактическая задача – переплыть Подкову.

Пескарь задержался в проёме двери, чтобы увидеть реакцию артельщиков на им сказанное.

Первым высказался кудрявый Игнат:

– А сможем ли?.. Ой, не даст нам Игла это сделать! Как только катера и лодки отчалят от причала, да ещё в таком количестве – отгородят корягами от нас берег тайги. И мы теперь знаем, как они это делают и кто для них это делает.

– А баркас! – выпалил Тимофей, не соглашаясь с Игнатом бодрящим голосом. – Это ведь наш ледокол, он и проложит путь к берегу, если зверьё допрёт и отгородится от нас корневищами да плавунцами. А рыба – что: сразу же уйдёт на дно!

Этот аргумент сочли убедительным.

– Денька так через три-четыре – пусть и посёлок, и тайга поутихнут...

Сказав это, Ракип Жаббаров обвёл всех выжидающим возражений взглядом – где-то со стены умиротворённо тикали старенькие ходики.

Артельщики стали расходиться, всё ещё осторожничая, будто уходили во тьме. Тимофей покинул прогретый телами и дыханием зал последним, притянув за собой дверь – Душа Станислаф остался один, у зашторенного окна...

От Автора.

Принято полагать, что жизнь – это любовь. Нет, пожалуй: земная жизнь – ожидание. Лишь оно одно подчиняет себе Время и Пространство, чтобы наши чувства – (метафорично) те же звери, звери ощущений, выбегающие из души в порыве страстей, – успевали возвращаться к нам ...не прежними. Потому нас и ласкают те же земные удовольствия издали предстоящего – дистанция раздумий для предугадывания собственной Судьбы. А предугадать собственную Судьбу равно «передумать» смерть от всего, чем она заманивает нас снова в земную твердь.

«Любовь и страх нас ставят на колени...» – ещё одна поэтическая строка в Душе Станислаф будто нарочно с ним заговорит умозаключением Автора. И тогда – когда он покинет дом Тимофея Пескаря, и когда, как не раз до этого, ему понадобится прозрение в чём-то явном и вместе с тем доселе не постижимом из его сумеречного былого...

Это не поддающееся осознанию былое, прежняя земная жизнь, навсегда запрятает в себе и любовь, и страхи, и многие-многие другие чувства и ощущения подрастающего Станислафа, смертельно для себя поторопившего свои ожидания: дать ему удовольствий больше, чем и мог иметь только в свои шестнадцать с половиной лет. Он не знал, что торопиться жить – не одно то же с тем, что поторопить свою единственную земную жизнь ожиданиями того, что в результате останавливает Время, а Пространство сводит в линию Судьбы, и очень-очень короткую. Как и случилось – на мальчишеской ладони Станислафа.

Теперь Шаман – его новый облик от Вечности, и выбор его, Станислафа, души тоже, но уже в латах таёжного волка. И с весны он – кесарь Тайги, самозванец, да, но – кесарь незыблемого и непререкаемого во Вселенной: выжить в промежутке между земным материальным и земным духовным, чтобы жить бесконечно в многообразии Времени и Пространства. Люди истолковали этот промежуток Вселенной по-своему: оказаться между молотом и наковальней, в веках выковывая в нём и мыслящий разум, и кровожадное безумие. Оттого глаза кедрачам неслучайно застит месть, а в их руках – и того хуже: карабины!

...Тогда, как поступить с ними, да так, чтобы безоглядное земное безумие не сожгло и не испепелило-таки в них созидающий разум – падут ведь перед единственно смертью, скормив её своими же телами?! Потому – Шаман здесь, в наказание за неразумное упрямство и как наказание за злобные поступки. ...Тогда, что сильнее любви и страха? И что это может быть? Может, это есть то, от чего смерть и жизнь, прячется в намерениях и умыслах, выжидая каждая своё, от восторга до отчаяния неизбежности? Может, сильнее любви и страха – это всё та же чувственная мысль? Всевидящая! И этим упреждающая умыслы! Не совесть, не честь, не благородство и прочее такое, ставшее нравственным и моральным достоянием человечества – это всё нравы эпох. Эпох! А они сменяют одна другую, видоизменяя и самого человека, и когда-то его рассудок, чувства и ощущения станут-таки той самой божьей искрой самоосознания: не убивай! не прелюбодействуй! не кради!.. Потому, может, и есть промежуток во всём, что временем как ускоряется, так и замедляется, и что пространство или ограничивает собой, или разгоняет за гори-

зонт, чтобы задуматься – и передумать в себе те же любовь, зло!... Всё, что манит, поджигая страсти и сжигает насмерть, если твой шаг – это бездумье и бездушие.

И в истинах Вселенной на этот вопрос ответа нет – Душа Станислаф, загребая носками замшевых тёмно-синих туфель песок, будет брести берегом Подковы, вслушиваясь в несмолкающее былое: «Горе – это порог всего, на что мы, лишь наступая, бездумно переступаем...». Тёмные волосы спадут на задумчивый лоб, спрячут мальчишеское подвижное лицо, но его не успокаивающиеся руки движениями и вопрошающими жестами будут допытываться у немых времени и пространства, что же сильнее любви и страха? И почему во всём земном он, теперь лишь душа человечья, ищет зелёные глаза и чей это подчиняющий голос живёт в нём, пряча в интонациях строгости взаимную будто бы болезненную нежность?

Эти глаза, и голос – чьи они? Почему, думая об этом, ноги не держат, а горькие слёзы душат?!.. Его широкие плечи раздвинут берега озера ещё дальше друг от друга, его рост ещё выше подымет небо, но пружинистый широкий шаг не будет торопить время – откуда он знает, что смерть только того и ждёт, чтобы чьё-либо ожидание споткнулось об умысел и очередная душа пала на колени в ...Аду, земном и единственном?

Глава вторая. Инквизитор...

Неделю как командированный в Кедры следователь краевой прокуратуры Дрозд скучал ...за надоевшим ему своей высотой, ещё и с растопыренными ножками, столом начальника отделения поселковой полиции. Ростом он родился невысокого – хотя бы чуток повыше, оттого и, всякий раз присаживаясь за стол, чуть ли не бился подбородком о край. А вставал из-за него – только бы не забыть об этих, чёртовых, ножках. Всё равно забывал, и хорошо, что в этот паскудный момент в кабинете не было ни самого Волошина, хозяина кабинета, ни кого-либо из полицейских или вызванных на допрос кедрачей.

Младший советник юстиции взбадривал себя мыслями о Тангаре. В этом городишке геологов он родился, крестился – это, как говорится, но не женился. Пока что! Но этим, что до сих пор не обзавёлся семьёй, не страдал – главное, что работой жил в удовольствие. Вернее – её результатами! И в Кедах – поэтому: краевой прокуратуре нужны результаты ...ещё вчера, а они и не утомили даже.

Разгадка причин возгорания дома Каваляускасов и внезапной и преждевременной смерти Игоря Костромина уже им даже запротоколирована на 99%. Никто до него их, эти причины, и не устанавливал, или – не смог. ...Капитан, ну, конечно – кто же ещё, он, хитрющий Макар Волошин, всю постарался, чтобы никто ничего не узнал. А дом литовцев подожгла Оксана Пескарь, ранее возлюбленная Костромина. Она же и заменила в свадебном подарочном коробе игрушечную гадюку на живую.

Незадолго до пожара Оксану видели с канистрой у сруба, что сгорел позже дотла, и эту канистру нашли поблизости от пожарища, как только рассвело, да ещё и на ней было нацарапано «Тимофей Пескарь». Ревнивица имела мотив отомстить Костромину за женитьбу на Агне, а злая молва на это счёт, что топор ей – в руку, что она и сделала, дурёха: отомстила испугом. Ведь знала, что Игорёша ужас как боялся гадюк, он-то, испуг, и стал для Костромина летальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.